

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Гун А. Японская эстетика смерти в творчестве В. Пелевина // Филология: научные исследования. 2025. № 4.
DOI: 10.7256/2454-0749.2025.4.74220 EDN: BNWEJS URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74220

Японская эстетика смерти в творчестве В. Пелевина

Гун Аньпин

аспирант, кафедра истории русской литературы; Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9-11В

✉ gap0921liza@yandex.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.4.74220

EDN:

BNWEJS

Дата направления статьи в редакцию:

25-04-2025

Аннотация: В произведениях Виктора Пелевина японские герои совершают самоубийство под влиянием уникальной японской эстетики смерти, где смерть символизирует красоту и честь. Формирование этой идеи о смерти во многом тесно связано с духом бусидо, философией дзен-буддизма и японской эстетикой. В данной статье рассматривается роль эстетики смерти в художественном мире В. Пелевина на основе анализа сюжетов, где герой умирает. Материалом исследования являются произведения Виктора Пелевина, имеющие непосредственное отношение к японской эстетике смерти: «Чапаев и Пустота» (1996), «Гость на празднике бон» (часть книги «ДПП (НН)», 2003) и «Поединок» (часть книги «Transhumanism Inc.», 2021). Предметом исследования является японские мотивы о смерти в прозе писателя. При проведении исследования был использован метод интертекстуального и сравнительного анализа для выявления философских подтекстов и их источников. Научная новизна данного исследования заключается, во-первых, в детальном рассмотрении смерти японских персонажей В. Пелевина и их мотивов. Во-вторых, японская эстетика смерти в выбранных материалах не была полностью выявлена, в данном исследовании проведен дополнительный интертекстуальный анализ к ней и определено ее место в прозе В. Пелевина. В результате исследования установлено, что в действиях и словах японских

героев В. Пелевина бессознательно проникают эстетические идеи, лучше всего выражающие японский характер. Дух бусидо и японская эстетика смерти предоставляет этим героям возможность поэтичного саморазрушения, однако ее описание обычно носит иронический характер. Функция размышления и духовной практики японских героев чаще всего заключается в том, чтобы служить контрастом по отношению к истинному пути просветления.

Ключевые слова:

Виктор Пелевин, бусидо, дзен-буддизм, эстетика смерти, просветление, философия, Юкио Мисима, Моно-но аварэ, сэппуку, Пустота

Японские мотивы также занимают значительное место в творчестве Виктора Пелевина. В произведениях В. Пелевина выделяются герои, которые идут по пути самоуничтожения, соотносимом с японской эстетикой смерти. В японском обществе отношение к смерти: позволяет «воспринимать самоубийство как почетную и значимую акцию. В некоторых случаях это самый почетный и полный смысла путь для исполнения *гири* своему имени» [\[1, с. 119\]](#). А. Моррис в работе «Благородство поражения. Трагический герой японской литературы» описывает два типа героев японской культуры: победитель и иной герой, «чья прямодушная искренность не позволяет ему совершать какие-либо маневры и идти на компромиссы ... Столкнувшись с поражением, герой обычно лишает себя жизни, дабы избежать унижения плена, утвердить свою честь и дать последние уверения в своей искренности» [\[9, с. 5\]](#). Формирование подобного отношения во многом связано с духом *бусидо* и японской эстетикой.

Бусидо в буквальном смысле означает нормы, которым самураи должны следовать в повседневной жизни и профессиональной деятельности [\[2, с. 16\]](#). Его идейную основу составляют дзен-буддизм, синтоизм и конфуцианство. В произведениях В. Пелевина три персонажа совершают самоубийство, связанное с духом бусидо: Персонаж Сердюк в романе «Чапаев и Пустота» (1996), Юкио Мисима в рассказе «Гость на празднике бон» (2003), а также Сасаки в рассказе «Поединок» (2021) совершают самоубийство посредством сэппуку. Среди японских самураев наиболее характерным способом смерти является сэппуку (харакири). Причина, по которой выбирали разрезание живота, заключается в том, что, согласно древней анатомии, живот является местом пребывания души и чувств [\[2, с. 119–120\]](#). Однако истинные причины их смерти, а также их функция в текстах различны.

В романе «Чапаев и Пустота» герой Сердюк в своей галлюцинации совершает сэппуку по наущению японского бизнесмена Кавабаты. Кавабата убедил Сердюка стать сотрудником клана «Тайра Киёмори» с годовой зарплатой в 40 тысяч долларов и присвоил ему звание японского самурая. Не устояв перед деньгами, Сердюк полностью проигнорировал клятву, которую заставил его произнести Кавабата. Кроме идеи о том, что смерть является честью согласно бусидо, другой важной причиной самоубийства Сердюка также стала концепция красоты смерти, предложенная Кавабатой. В глазах Кавабаты жизнь мимолетна, как цветы сакуры или пузырьки в воде, и постоянно меняется, в то время как учение о сэппуке призывает к прямому и бесстрашному возвращению в вечность. Такая мысль является выражением одного из важнейших понятий японской литературы и даже всего японского общества — моно-но аварэ. Японский ученый Мотоори Норинага ввел концепцию моно-но аварэ и использовал ее

для переосмысления классического японского романа-моногатари «Повесть о Гэндзи». Моно-но аварэ — это глубокое и тихое чувство, которое естественным образом или невольно возникает при субъективном эмоциональном соприкосновении с внешними явлениями [8, с. 79]. Японский писатель Ясунари Кавабата (прототип героя Кавабаты) является практиком эстетики моно-но аварэ. В своем произведении «Цветы не спят» он описывает, как в четыре часа утра увидел цветение *яблони замечательной* (лат. *Malus spectabilis*). Восхищаясь ее красотой, он одновременно почувствовал и болезненную красоту, с которой цветок раскрывался, прикладывая все свои силы. Он продолжает размышления: природная красота бесконечна, но красота, которую человек способен постигнуть за свою жизнь, ограничена. Поэтому моно-но аварэ порождает уникальное восприятие жизни и смерти: стремление к «мгновенной красоте». В древней Японии люди сравнивали себя с сакурой, превращая идею «мгновенной красоты» в поведение, где самоубийство считалось высшей точкой жизни. Их ритуальная смерть также символизировала стремление к краткому всплеску жизни, попытку обрести вечное спокойствие в уничтожении.

Японцы в романе также придерживаются учения «всё есть пустота». Однако Сердюк не полностью признал их учение и не следовал ему, он даже стал самураем обманным путем. После совершения сэппуку он все-таки пришел в «Пустоту»: «Сердюк (да и никогда на самом деле не Сердюк) плыл в бескачественной пустоте и чувствовал, что движется к чему-то огромному, излучающему нестерпимый жар» [11, с. 211]. Поэтому здесь эта *пустота* не представляет собой место просветления, а скорее обозначает более экстремальную ситуацию. Сэппуку для самурая является способом достичь просветления, поскольку в этот момент он преодолевает жизнь и смерть, но для Сердюка это невозможно. Правила, касающиеся смерти в духе бусидо, толкают Сердюка на путь самоуничтожения.

Сердюк субъективно не хотел совершать самоубийство — его руководитель Кавабата заставил его сделать это ради чести их компании. В своей основе это отражает конфуцианские идеи, заложенные в бусидо. Конфуцианство является для бусидо важной этической основой. Эти моральные принципы конфуцианства применимы к межличностным и социальным отношениям. Конфуций надеялся, что правители будут хорошо выполнять свои социальные роли и соблюдать моральные обязанности. В книге «Бусидо» Нитобэ Инадзо свел дух бусидо к восьми аспектам: справедливость, храбрость, сострадание чужому горю, вежливость, честность и искренность, честь, верность (чжун), самообладание [2, с. 7]. Для поддержания власти правители преувеличивали значение конфуцианской концепции *чжун*, делая ее не только верой народа в правителей, но и идеологическим оковами, ограничивающими поведение самураев. В бусидо *чжун* означает абсолютное подчинение. Изначально конфуцианская концепция *чжун* ограничивала не только обычных людей, но и правителей. Она означала преданность государству и народу, а не только правителю. Однако в феодальную эпоху в бусидо на первое место ставилась верность начальникам и правителям. Таким образом, харакири, совершенное во имя чести и верности в духе бусидо под влиянием конфуцианской философии, по мнению автора, приносит лишь ложное освобождение. Во время Второй мировой войны Япония была атакована двумя атомными бомбами и потерпела поражение, но все же стала самой сильной экономикой в послевоенной Азии. В этом романе Кавабата считает, что *пустота*, возникающая в глубине российской души, аналогична *пустоте* японцев, поэтому Россия нуждается в «алхимическом союзе» с Востоком. Самоубийство Сердюка символизирует, что путь, выбранный Японией, не подходит для России.

Рассказ В. Пелевина «Гость на празднике бон» написан от первого лица и составлен из интертекстуальных фрагментов, отсылающих к роману Юкио Мисимы «Исповедь маски» (1949), трактату «Хагакурэ», биографии японского писателя и политического деятеля Юкио Мисимы, китайскому чэньюй (фразеологизму) «Любовь Е-гуна к драконам» и сказке о драконе и принце. Рассказчик предпринял попытку сделать харакири и со второй попытки был обезглавлен. Это также реальный личный опыт писателя Мисимы. Согласно словам рассказчика, его смерть произошла в результате стремления к духу бусидо и красоте. Во-первых, Пелевин уделяет особое внимание духу бусидо, а цитаты из «Хагакурэ» приведенные в его рассказе, подчеркивают неразрывную связь между смертью и бусидо: «Путь самурая обретается в смерти. Если, укрепляя свое сердце решимостью каждое утро и каждый вечер, человек сможет жить так, словно тело его уже умерло, путь будет для него свободен» [3, с. 20-21]. Во-вторых, в начале рассказа задается вопрос: «Что такое красота?» и делает вывод: «Смерть и красота, в сущности, это одно и то же» [10, с. 353]. Дух бусидо и красота также были двумя из причин смерти писателя Юкио Мисимы, однако еще существовали и другие, более значимые причины. Причины, по которым Юкио Мисима выбрал для себя сэппуку, могут быть связаны с четырьмя основными факторами, как указано в биографии, написанной его другом: поклонение императору Японии, любовная страсть к лицу того же пола, почитание бусидо и стремление к эстетике смерти. Кроме этих четырех причин, А. Моррис утверждает, что трагедия Мисимы заключается в том, что «Юкио Мисима принял философию Осиро Хэйхатиро в то время, когда отсутствовала какая-либо социальная почва для приложения его сил» [9, с. 169]. Метафизическая система Осиро Хэйхатиро основывалась на ванъянминовской концепции тайкё. Концепция «единства знания и действия» является самым важным мыслям Ван Янмина: «Знание есть начало действия, действие есть исполнение знания» [4, с. 186]. Мисима считает, что мысли монистического идеализма Ван Янмина опасны и радикальны, но он все же принимает эту идею и пытается ее применить: «нравственная истина, признаваемая субъективно-идеалистически, должна немедленно переходить в действие, иначе собственно осознание несостоятельно» [5, с. 92]. Поэтому у него появляется такое мнение: революция — это действие, а действие часто сопровождается смертью. Однако в рассказе Пелевина причина его смерти упрощена до стремления к духу бусидо и красоте, что не полностью совпадает с историческими обстоятельствами смерти Юкио Мисимы.

Автор в рассказе пытается создать шизофреническую ситуацию: в одном теле существуют два индивидуума: один — это рассказчик, занимающийся философскими размышлениями, а другой — это Юкио Мисима, стремящийся бесконечно приблизиться к красоте и саморазрушиться. Иными словами, в этом теле рассказчик представляет его душу, а саморазрушение Юкио Мисимы символизирует исчезновение его тела. В этом рассказе, как представляется на первый взгляд, автор обсуждает эстетику смерти, однако фактически он использует эти интертекстуальные фрагменты для выражения собственных философских мыслей о жизни и смерти. Рассказчик также вводит в роман интертекстуальный фрагмент, связанный с одержимостью Юкио Мисимы смертью святого Себастьяна, однако его функция заключается в том, чтобы вывести на концепцию «смерти Бога». Рассказчик считает, что в смерти святого Себастьяна красота сливается с чем-то высоким, которым является святость Себастьяна. Святой Себастьян выступает как сосуд Бога, а его убийство символизирует убийство Бога. Исходя из этого, он переходит к размышлениям о природе самоубийства и приходит к выводу, что самоубийство — это нападение на Бога, живущего в сердце. Увлечение писателя Ю. Мисимы образом святого Себастьяна пронизывает его литературу, эстетику и даже жизненный путь. В

полуавтобиографическом романе «Исповедь маски» Ю. Мисимы красоту символизируют тела молодых людей, таких как Себастьян или солдаты, когда они умирают. Герой романа описывает Себастьяна как источник своего сексуального пробуждения. [\[6, с. 39–40\]](#) Важнейшие причины этого явления заключаются в том, что герой погружен в эту красоту из-за своей собственной неполноценности: Телесные недостатки или отсутствие определенных качеств могут вызвать у них патологические эмоции. Поэтому, по мнению Мисимы, красота достигает вечности посредством смерти и разрушения. Он не только воплотил идеи красоты смерти в своих произведениях, но и применил его в собственной жизни: доведя своё тело до физического совершенства, он воссоздал образ святого Себастьяна в серии фотографий, и в конце жизни, подобно Себастьяну, принёс себя в жертву во имя возвышенного идеала. Таким образом, образ Юкио Мисимы в рассказе Пелевина представляет собой пародийное переосмысление реального писателя. В сущности, его смерть используется как средство для выражения авторских философских размышлений о природе смерти.

В. Пелевин приурочивает дни самоубийства и философских размышлений ко времени праздника бон (или Обон). Понятие *обон* обозначает предмет, используемый для спасения людей от страданий от подвешивания вверх ногами. В трактате «Сутра об улламбане, проповеданная Буддой» описывается происхождение этого праздника: «Ученик Будды Маудгальяна (яп. Мокурэн) увидел, что его умершая мать страдала в мире голодных духов, поэтому он обратился к Будде за спасением. Будда ему сказал, что если он подготовит разнообразную пищу и угостит монахов из десяти направлений в пятнадцатый день седьмого месяца, это может освободить его мать» [\[13\]](#). Этот праздник был введен в Японии в VII в. н. э. вместе с распространением буддизма и позже стал одним из самых почитаемых [\[12, с. 46\]](#). Во время его празднования проводится ряд мероприятий, посвященных памяти духов предков. Поэтому в заголовке рассказа слово «гость» обозначает душу, которая возвращается в этот праздник. Рассказчик считает, что все люди обречены на смерть и становятся душами, поэтому на этом празднике нет разницы между живыми и мертвыми.

В рассказе «Гость на празднике бон» и романе «Чапаев и Пустота» смерти Сердюка и Юкио Мисимы не приводят к ожидаемому результату: Сердюк не достигает истинной «Пустоты», а голова Мисимы катится, но никогда не достигнет края [\[10, с. 369\]](#). Но автор не всегда относится к духу бусидо с иронией. В произведении «Transhumanism Inc.» (2021) есть рассказ, в котором рассматривается дух бусидо в мире будущего. Герой рассказа «Поединок» самурай Сасаки-сан создает боевых роботов в стиле самураев и устраивает бои с их участием, что приносит ему расположение криминальных авторитетов. Он постоянно трансформирует своих боевых роботов и с их помощью воссоздает классические дуэли великих японских самураев. В конце концов он планирует устроить бой между великими самураями Миямото Мусаси и Сасаки Кодзиро с использованием роботов. Однако компьютерная программа призывает в роботов души самураев. Осознав происходящее, они убивают всех зрителей боя, отказываются сражаться и кончают жизнь самоубийством. В результате этого события Сасаки приговаривают к харакири. После совершения сэппуку Сасаки не умирает, а оказывается на третьем уровне виртуального мира.

Неизменным остается то, что дух бусидо по-прежнему тесно связан со смертью и честью, но в мире будущего этого романа, где технологии высокоразвиты, другое отношение к духу бусидо. В этой истории все строится на контрастах: активное харакири и пассивное харакири, истинно благородные древние самураи и самураи будущего, идущие на

компромисс ради жизни. В. И. Миллер утверждает, что «герои В. Пелевина демонстрируют полную бессмысленность своего существования в отсутствии целей и жизненных ориентиров. Вся их жизнь сведена к реализации природных инстинктов... это есть данность современного мира, составляющая наиболее достоверный вариант будущего развития человека в нем» [7, с. 90]. Поэтому, когда древние самураи появились в мире будущего, произошел конфликт концепций: их действия олицетворяют славу духа бусидо. Несмотря на то, что их действия жестоки, автор все же восхваляет их дух в этом мире.

Таким образом, при анализе смерти японских персонажей в творчестве В. Пелевина мы обнаружили, что уникальная эстетика японцев направляет японскую жизнь, поэтому эстетика, выраженная в поступках и словах героев-японцев, созданных В. Пелевиным, бессознательно отражается в тексте. Дух бусидо и эстетика смерти в японской культуре предоставляют героям В. Пелевина возможность поэтического самоуничтожения. Однако их смерть неизменно символизирует неудачу на пути к просветлению: Сердюк не достигает «Пустоты»; Юкио Мисима не реализует свою эстетическую цель; поведение Сасаки контрастирует с образом древнего самурая. Поэтому функция этих японских героев обычно заключается в том, чтобы служить контрастом к истинной пути просветления.

Библиография

1. Бенедикт Р. Хризантема и меч: модель японской культуры / Пер. с англ. 2-е изд. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2013. 256 с.
2. Инадзо Н. Бусидо: кодекс чести самурая / Пер. с англ. А. Зайцева. М.: АСТ; Кладезь, 2023. 192 с.
3. Кодекс бусидо. Хагакурэ. Сокрытое в листе. М.: Эксмо, 2004. 432 с.
4. Кобзев А. И. Учение Ван Янмина и классическая китайская философия. М.: Наука, 1983. 358 с. EDN: ZQSQDB
5. Мисима Ю. Голос духов героев / Выступ. ст., сост. пер. с яп. А. Г. Фесюна. М.; СПб.: Летний сад, 2002. 252 с.
6. Мисима Ю. Исповедь маски / Пер. с яп. Г. Чхартившили. СПб.: Азбука, 2002. 240 с.
7. Миллер В. И. Трансгуманизм как явление современной культуры (на примере творчества В. Пелевина) // Общество: философия, история, культура. 2023. № 5. С. 89-93. DOI: 10.24158/fik.2023.5.12 EDN: FFQQMZ
8. Михайлова Ю. Д. Мотоори Норинага: Жизнь и творчество. М.: Наука, 1988. 192 с.
9. Моррис А. Благородство поражения: Трагический герой в японской истории / Пер. с англ. А. Г. Фессон. М.: Серебряные Нити, 2001. 392 с.
10. Пелевин В. О. Диалектика Переходного Периода из Ниоткуда в Никуда: Избранные произведения. М.: Эксмо, 2003. 384 с.
11. Пелевин В. О. Чапаев и Пустота. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. 352 с.
12. Фиссер М. В. де. Древний буддизм в Японии / Перевод: А. Г. Фесюн. М.: Серебряные нити, 2016. 472 с.
13. Трубникова Н. Н. Сутра об улламбане, проповеданная Буддой. URL: <http://trubnikovann.narod.ru/Urabon.htm> (дата обращения: 01.05.2024).

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Творчество Виктора Пелевина многообразно, вариативно, синкретично. Его тексты сочетают грани отечественной, европейской, а также восточной культур. Следовательно, анализ романов, повестей, рассказов В.О. Пелевина актуально, востребовано, интересно. Рецензируемая статья направлена на оценку / объективацию японской эстетики смерти в творчестве Виктора Пелевина. На мой взгляд, предмет исследования конкретизирован, он соотносится с одной из рубрик издания. В начале статьи отмечено, что «в произведениях Виктора Пелевина выделяются герои, которые идут по пути самоуничтожения, соотносимом с японской эстетикой смерти. В японском обществе отношение к смерти: позволяет «воспринимать самоубийство как почетную и значимую акцию. В некоторых случаях это самый почетный и полный смысла путь для исполнения гири своему имени». Действительно, ряд персонажей В. Пелевина выстроен с учетом философии Востока, это, безусловно, интересно и конструктивно. Статья, на мой взгляд, обладает признаками научного труда, она достаточно информативна, не исключает автор и фактор аналитики в рамках компаративизма. Методы исследования выбраны верно, не вызывает сомнений их актуальность. Стиль соотносится с научным типом: например, «Японский писатель Ясунари Кавабата (прототип героя Кавабаты) является практиком эстетики моно-но аварэ. В своем произведении «Цветы не спят» он описывает, как в четыре часа утра увидел цветение яблони замечательной (лат. *Malus spectabilis*). Восхищаясь ее красотой, он одновременно почувствовал и болезненную красоту, с которой цветок раскрывался, прикладывая все свои силы. Он продолжает размышления: природная красота бесконечна, но красота, которую человек способен постигнуть за свою жизнь, ограничена. Поэтому моно-но аварэ порождает уникальное восприятие жизни и смерти: стремление к «мгновенной красоте». Содержательный уровень работы можно оценить положительно, основные блоки работы выдержаны. Вариант «промежуточных» выводов, который использует автор, правомерен. Например, «таким образом, харакири, совершенное во имя чести и верности в духе бусидо под влиянием конфуцианской философии, по мнению автора, приносит лишь ложное освобождение. Во время Второй мировой войны Япония была атакована двумя атомными бомбами и потерпела поражение, но все же стала самой сильной экономикой в послевоенной Азии. В этом романе Кавабата считает, что пустота, возникающая в глубине российской души, аналогична пустоте японцев, поэтому Россия нуждается в «алхимическом союзе» с Востоком. Самоубийство Сердюка символизирует, что путь, выбранный Японией, не подходит для России». Термины / понятия используются с учетом контекста, коннотативных рамок. Считаю, что цель исследования достигается планомерно, ракурсно. Фактические нарушения в тексте не выявлены; следовательно, текст не нуждается в серьезной правке и коррективе. На мой взгляд, некий крен в японистику довлеет в тексте работы, но, видимо, без этого не получится связать произведения В.О. Пелевина с японской эстетикой смерти. Несколько формален и итог статьи, его желательно переработать: «таким образом, дух бусидо и эстетика смерти в японской культуре предоставляют героям В. Пелевина возможность поэтического самоуничтожения. Однако этот древний и возвышенный дух практически невозможно сохранить в чистом виде в современном обществе. Поэтому, когда этот дух проявляется у героев Пелевина лишь в поверхностной форме, они становятся в его произведениях отрицательными персонажами». Следовательно, статья «Японская эстетика смерти в творчестве В. Пелевина» после внесения изменений может быть рекомендована к публикации в журнале «Филология: научные исследования».